

заинтересован в сохранении трона за Марией или ее малолетним сыном, и переговоры стали беспредметными¹¹⁴. В таких условиях Мария пошла на переговоры с Ивайлом; источники сообщают, что царица решилась предложить руководителю восставших крестьян разделить с нею власть и стать его женою¹¹⁵.

Не приходится сомневаться, что предложение Марии застало вождя повстанцев врасплох и создало для него весьма трудное положение¹¹⁶. Сначала Ивайло проявил, по словам Пахимера, «гордость и пренебрежение», но затем изменил свое решение¹¹⁷. Дело в том, что вторжение византийских войск и появление нового претендента грозили полным уничтожением независимости страны и ликвидацией всех успехов восстания. Допустить потерю Тырнова, не только столицы, но и первоклассной по тем временам крепости, было слишком опасно¹¹⁸. С другой стороны, всеобщая ненависть к царице Марии чрезвычайно затрудняла соглашение. После некоторых колебаний Ивайло объявил послам царицы, — впрочем, весьма уклончиво (*πονηρῶς καὶ βαδῆως*), — что принимает предложение не из женолюбия, но «только по склонности к миру и для предотвращения кровопролитного междоусобия» (*κατ' εἰρήνην καὶ τοῦ μὴ χεῖσθαι ἐμφυλίοις πολέμοις αἵματα κατεδέχετο*)¹¹⁹. Вслед за этим перед предводителем крестьянских отрядов открылись ворота Тырнова, и он занял столицу. Вскоре было отпраздновано и его бракосочетание с Марией, которая надеялась, что таким путем сохранит за собою власть, а за своим сыном — наследование престола¹²⁰.

Решение Ивайла может показаться легкомысленным, но оно определялось суровой военной необходимостью¹²¹, а не слабыхарактерностью вождя повстанцев или одним стремлением его к миру. Как показали дальнейшие события, потеря Тырнова была бы крупным ударом для дела восстания; вполне возможно, что в глазах своих сторонников Ивайло все еще не был «настоящим» царем, пока он не владел столицей царства. Между тем штурм хорошо укрепленного города в момент, когда с тыла можно было ожидать нападения византийцев, был делом трудным и рискованным. Нельзя, кроме того, отрицать и то, что Ивайло и его сторонники могли надеяться, что бескровным разрешением конфликта можно будет сплотить все силы, способные противостоять двойной угрозе татаро-монгольского разорения и византийского завоевания. Следует, наконец, учитывать ограниченность и непоследовательность борьбы средневековых крестьян, расплывчатость и неопределенность их программы. В тогдашней обстановке Ивайло вряд ли мог просто отвергнуть предложение царицы, не рискуя оттолкнуть или, во всяком случае, разочаровать многих из своих сподвижников.

¹¹⁴ Рачум., р. 441. 20—442. 14 и р. 442. 18—443. 2.

¹¹⁵ Ibid., р. 443. 2—10. Посольство к Ивайлу было отправлено еще тогда, когда продолжались переговоры с Палеологом.

¹¹⁶ И. Пастухов. Българска история, т. I, стр. 526.

¹¹⁷ Рачум., р. 443. 11—14.

¹¹⁸ Ср. П. Петров. Встанието на Ивайло, стр. 233—235. Автор считает, что в этом отношении на руководителя восставших могли оказывать давление присоединившиеся к народу феодалы; но против этого говорит, во-первых, то, что немногочисленные даже среди господствующего класса сторонники Марии находились скорее в Тырнове, чем в лагере повстанцев, и, во-вторых, то, что вообще наличие феодалов среди военачальников Ивайла весьма сомнительно.

¹¹⁹ Рачум., р. 443. 14—444. 2.

¹²⁰ Ibid., р. 444. 2—6; Gregoras, р. 131. 12—14. Характерно, что обе стороны испытывали при этом вполне объяснимое взаимное недоверие и приносили обоюдные клятвы в соблюдении заключенных условий.

¹²¹ На это обстоятельство справедливо обращает внимание В. Н. Златарский („История...“, т. III, стр. 558).